

— Я просто хочу сказать, что мне действительно важно всё, что связано с тобой. Когда вернусь, мы поговорим лицом к лицу.

Сяо Жофэй машинально написал [Хорошо]. Только после этого он вспомнил, что сегодня был финальный день соревнований «Великий побег», и участники не могли брать с собой личные телефоны. Даже если он ответит, Гу Чуньлай увидит сообщение только после завершения соревнований завтра.

— В отношениях я только научился ползать и ходить, ещё не могу бежать так быстро, чтобы поспеть за тобой. Но я буду учиться, приложу все усилия, чтобы догнать тебя. Ты иди своим путём, а когда я догоню, я похлопаю тебя по плечу, ты обернёшься, возьмёшь меня за руку, и мы пойдём вместе, хорошо?

Сяо Жофэй вдруг вспомнил их первую ночь, когда они были вместе. После этого они оба не могли уснуть, лежали лицом к лицу в ночном ветре, нос к носу, боясь пошевелиться, чтобы не разрушить этот прекрасный сон. Они лежали так, пока чёрное небо не начало синеть, окаймлённое золотом и окрашенное розовым светом зари.

Его живот заурчал, и он хотел встать, но не смог, потому что Гу Чуньлай схватил его за край одежды, зевнул и, сонно свернувшись на кровати, устало смотрел на него. Сяо Жофэй ущипнул его за нос и сказал, что проголодался, пойдёт за завтраком, а потом вернётся спать. Гу Чуньлай послушно поднялся, но жидкость на его одежде засохла, белые пятна на чёрной ткани были слишком заметны, и продолжать носить её было невозможно.

Сяо Жофэй бросил ему свою футболку и шорты, и они, одетые в одинаковую одежду, на цыпочках вышли из дома, в шлёпанцах прошли две улицы и зашли в закусочную в переулке за кварталом, где купили пару палочек ютяо и две миски супа с пельменями.

Получив еду, Гу Чуньлай осторожно разорвал ютяо на кусочки и бросил их в миску, прежде чем начать есть. Сяо Жофэй с любопытством наблюдал за ним, положил палочки и спрашивал, каково это на вкус. В этот момент Гу Чуньлай как раз пил суп, услышав вопрос, он поставил миску, оставив вокруг рта масляный круг, а кончик носа блестел. Сяо Жофэй уже собирался посмеяться над ним, как вдруг Гу Чуньлай взял кусочек ютяо и протянул ему, сморщив нос и губы, улыбаясь глазами, и тихим хрипловатым голосом предложил самому попробовать, чтобы понять, как это вкусно.

Сяо Жофэй уже не помнил, был ли ютяо вкусным, но человек, сидевший напротив, словно облако, опустившееся на море, навсегда остался в его памяти.

Оказывается, это не провокации Бай Яньняня, не временная разлука, не горячка кинофестиваля, не тысячи буддийских фонарей, не романтическая луна, не закулисье «Неудачи и славы», не лапша с помидорами и яйцом, словно из другого мира, не бурная ночь, не дни и ночи съёмки «Обители сердца», не тайные коды в сценарии.

Уже тогда он полюбил Гу Чуньлая.

Но юношеский порыв, как морская волна, приходит слишком быстро и сильно, а без поддержки так же быстро отступает. После того поцелуя, случившегося за пределами изучения сценария, Гу Чуньлай исчез, и Сяо Жофэй решил, что та ночь была лишь его мечтой, плодом его воображения. Он напился, забыл о ней и согласился на признание другого человека.

Сяо Жофэй наконец понял, что и он сам, из-за своей импульсивности и нетерпения, упустил Гу Чуньлая.

На этот раз история чуть не повторилась.

Он сжал телефон, прижал его ко лбу и несколько раз поблагодарил, прежде чем продолжил листать.

Под фотографией луны Гу Чуньлай написал ещё две строки:

— Здесь нет светового загрязнения, луна видна идеально, жаль, что она не полная.

— Я посмотрел, на Рождество будет полнолуние, давай вместе поедем на Озеро Роз смотреть на луну.

Сяо Жофэй кивнул телефону, и его напряжённые нервы наконец немного расслабились. Он откинулся на спинку кресла и спокойно заснул.

Примерно через четыре часа, в десять утра, собрание акционеров кинокомпании «Цаньсин» началось.

После выступления председателя совета директоров Сяо Цаньсин настала очередь Сяо Жофэя представить свой отчёт. Звон в ушах всё ещё не прекращался, но это не имело значения, так как всё было подготовлено, и на каждый возможный вопрос у него был готов ответ.

С такой тщательной подготовкой Сяо Жофэй не сомневался в успехе.

Годовой отчёт и план на следующий год не вызвали особых сюрпризов, цели по новым проектам и росту в целом остались на уровне текущего года. Хотя акционеры могли снова упрекнуть его в консерватизме, в кинопроизводстве важно двигаться уверенно.

Но когда дело дошло до новой инициативы, как и ожидал Сяо Жофэй, реакция была неоднозначной.

Даже не слыша голосов, Сяо Жофэй мог по взглядам пожилых акционеров понять, что у них были возражения. Эти люди были основоположниками современного кино, теми, кто вывел китайское кино на мировую арену, а план Сяо Жофэя шёл вразрез с их представлениями.

К этому он был готов.

Но в самый критический момент его телефон в кармане начал непрерывно вибрировать, и это продолжалось так долго, что он начал волноваться.

Все в компании знали, что он сейчас выступает с докладом, все его друзья знали, что он не отвечает на звонки во время работы. Такая долгая вибрация явно означала, что что-то пошло не так.

Звон в ушах, который немного утих, вернулся, и люди перед ним начали искажаться.

Вибрация продолжалась, и через две-три минуты телефон Сяо Цаньсин тоже начал вибрировать. На третьем звонке она дала знак продолжить собрание, а сама вышла ответить.

В тот момент Сяо Жофэй услышал только гудки. Он забыл, что хотел сказать, наблюдая, как Сяо Цаньсин уходит, и через полминуты она вернулась с тревожным лицом. Она произнесла всего пять слов, но они, словно камень, привязанный к его ноге, потянули его в самую глубину земли, сдавив сердце, печень и лёгкие:

— Чуньлай пропал!

Восемь часов назад.

Гу Чуньлай открыл глаза в ночи.

Всю ночь ему снились сны: он сражался с монстрами и зомби, летал на единороге в розовых облаках и целовался с Сяо Жофэем, который держал меч и носил крылья, а потом небо и земля рухнули, и он падал, пока не проснулся. Матрас был слишком жёстким, спальный мешок не согревал, и в воздухе, граничащем с нулём, было невыносимо холодно.

Неудачная спина снова дала о себе знать, и он, приготовившись заранее, поспешил проглотить обезболивающее.

Видно, съёмочная группа в этом году решила устроить что-то новенькое.

Раньше финалы «Великого побега» проходили на крупных киностудиях, но в этом году организаторы решили перенести финал в настоящую дикую природу, на гору Линшань, в нескольких сотнях километров к юго-востоку от Цзинчэна. Линшань была известным местом для пеших прогулок, с маршрутами от пологих до экстремальных. Их трасса тоже шла от подножия до вершины.

Получив задание, Гу Чуньлай почувствовал сомнения, но, не желая создавать напряжённость, дождался, пока все уйдут, и связался с ассистентом. Тот тоже сказал, что это слишком рискованно, и заранее обсудил с организаторами. Те пообещали, что в оборудование включены компас, рации, а на всём маршруте будут дежурить сотрудники, чтобы участники не заблудились. На контрольных точках будут врачи и профессиональные инструкторы, чтобы обеспечить безопасность.

Студия «Фэйсян» согласилась на эти условия, как и другие компании, и Гу Чуньлай не мог больше возражать, хотя его внутренние сомнения не исчезали.

Соревнования длились два дня, каждый день начинался в шесть утра, а сами состязания — в семь. Две команды, которые первыми достигнут финиша в первый день, получают привилегии на второй день; те, кто не уложится в десять часов, будут оштрафованы. Десять часов казались достаточными, но это включало еду, отдых и перерывы, а в дикой природе, где погода могла измениться в мгновение ока, это было непросто.

После того как съёмочная группа ушла вчера в полдень, Гу Чуньлай начал собираться, а затем, спустя день и ночь, наконец поднялся на гору около шести вечера. Вечером они записали специальный выпуск для «эксклюзивных материалов для участников сайта», и к девяти все уже спали.

Хотя была зима, но в дикой природе нужно было опасаться диких животных. В первую ночь организаторы решили, что участники будут по очереди поддерживать костёр, чтобы он не погас. Гу Чуньлай и Бай Яньнань должны были дежурить с четырёх до шести утра, в последнюю смену. Гу Чуньлай надеялся выспаться, но его голова снова подвела.